

ГЕННАДИЙ ТОЛУЗАКОВ

Я ПЛЫВУ НАВСТРЕЧУ ОБЛАКАМ

Геннадий Толузаков

Я плыву навстречу облакам

«Литературная Республика»

2015

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Толузаков Г.

Я плыву навстречу облакам / Г. Толузаков —
«Литературная Республика», 2015

ISBN 978-5-7949-0523-6

Истоком жизненного пути автора стала Волга с ее замечательными городами Ахтубинск и Балаково. Но мальчишеские мечты звали к морю, и для юного нахимовца начался самый яркий этап его жизни – служба в Военно-Морском Флоте. Уже капитану 1 ранга есть что вспомнить и рассказать о незабываемых годах службы на Тихоокеанском флоте и о ставшей родной бухте Советская Гавань. До сих пор в памяти свежи воспоминания учебы в Военно-морской академии и службе в Управлении противолодочного вооружения ВМФ. Но и после завершения службы жизнь раскрыла не менее интересные горизонты. Автор много путешествует и занимается увлекательной работой в индустрии гостеприимства. А самое главное – есть время, возможность и желание посвятить свое будущее творчеству. Многие уже сказано в ранее выпущенных 2-х сборниках авторских стихов: «И жизнь, и море, и любовь» и «Лирика, навеянная морем», но жизнь продолжается, и есть возможность познакомиться с его третьей книгой.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-7949-0523-6

© Толузаков Г., 2015

© Литературная Республика, 2015

Содержание

Чудо, или без вести вернувшийся	7
Я войны не знал оскал	13
День Победы в Осташкове...	14
66 годовщина Дня Победы во Львове	15
Откройте люди глаза...	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Геннадий Толузаков

Я плыву навстречу облакам

© Толузаков, 2015

© Московская городская организация Союза писателей России

Чудо, или без вести вернувшийся

В канун 70-летия победы нашего народа в Великой Отечественной войне, когда вся страна готовилась торжественно отметить эту знаменательную дату, со мной произошло невероятное событие, которое иначе как чудом не назовешь. К чудесам я всегда относился осторожно, но особенно сложным для меня было понимание чудес, связанных с духовным миром и их божественным толкованием. Мое пытливое «я», полное сомнений, пространно рассуждало о существовании другого измерения – божественного, более разумного и совершенного, с которым иногда соприкасаются наши души. Потрясшее меня чудо поставило передо мной еще больше вопросов, на которые у меня нет даже самых фантастических ответов, я только понимаю, что предшествующие ему события не были случайными, если на них непостижимым образом откликнулась душа моего деда.

Мой дед, Толузаков Климентий Антонович, погиб в годы ВОВ и не оставил о себе ни одной строчки даже в стандартной солдатской похоронке. А может и была похоронка, но ее некому было получить, так как в самом начале войны мой отец, его четыре сестры и брат оказались в детдоме после похорон матери. Дед с войны так и не вернулся, и где он сложил голову, защищая Отечество, для нашей семьи было трагической тайной. А я почему-то всегда знал, что буду, как и он, – военным. Каких только его героических поступков и воинских заслуг я не представлял себе, взрослея и мужая! В моих детских мечтах он был почему-то танкистом и командовал танковой бригадой, защищая Москву. Возможно, мне передались мальчишечьи образы моего отца о героическом прошлом деда. О чем он думал, вспоминая об отце? Ему было десять лет, когда дед в 41-м ушел на фронт. А мне – девять, когда умер отец. И в том возрасте я еще не задумывался об истории своих предков, да и воспоминания были размытыми/отрывочными, как калейдоскоп. Потом, когда пришло намерение найти свою кровную ниточку – кто мы и откуда, – было уже поздно: затерялись или ушли из жизни все родственники, кто мог вспомнить, когда дед родился, откуда призывался, кто были его родители, да и многое другое, ценность чего мы часто начинаем осознавать, когда возмож-

ность упущена. А тут еще ни семейного архива, ни фотографий. Ничего, кроме надписи на памятнике всем односельчанам, не вернувшимся с войны, в селе Матвеевка. Только односельчанам не одной, а трех деревень, после войны ушедших под затопление Саратовским водохранилищем. Одна из них – деревня Красный яр, где, возможно, и остались корни моих предков.

Итак, я – капитан 1 ранга в отставке, мне за пятьдесят, у меня свои дети и внуки, и в свободное время я пишу стихи. Сейчас, в обратном отсчете выстраивая цепочку начала своего общения с дедом, пропавшим без вести, пытаюсь вспомнить, что послужило толчком нашего сближения: написанные мной стихи «Мой дед – безымянный солдат войны...» или картина, подаренная мне на день рождения друзьями. Хронологически все-таки вначале была поездка на озеро Селигер в город Осташков на могилу деда моего сокурсника по Военно-Морской академии. Был майский солнечный день 9 мая, День Победы. Незабываемый день! Кажется, весь город вышел на улицы, люди, не сговариваясь, собрались на городском кладбище вспомнить всех защитников Отечества, покоящихся в братских могилах. Враг сюда не дошел, здесь располагались прифронтовые госпитали. Судя по многочисленным братским могилам, ранения многих солдат были смертельными, как и у деда моего друга. Он узнал об этом благодаря сохранившейся похоронке из Осташкова, именно по ней в архивах военкомата удалось точно определить место захоронения. И в тот памятный майский день на братской могиле появилась еще одна табличка. И на земле стало одним безымянным солдатом меньше. Но этот день в моей памяти сохранил еще одно яркое впечатление, как в скорбной тишине минуты молчания, в синеве высокого неба над кронами берез, выросших из могил, с пронзительными криками метались чайки, словно растревоженные души солдат. А может, это и были те самые позабытые души солдат, как по цепочке в окопе передающие друг другу известие о возможной долгожданной встрече с родными и близкими. Вот и появились первые строчки памяти о войне, и в тот момент, наверное, я впервые понастоящему задумался о том, где могила моего деда и как найти к ней дорогу:

Над погостом тишина, покой –
Ласково березы шелестят.
Здесь в земле когда-то фронтовой
Рядышком защитники лежат.

В бронзе над могильной плитой
Скорбь любимых жен и матерей
Замерла, храня их сон святой,
Как наследство тех военных дней.

Как же много полегло солдат!
Не вернуться им уже домой.
Чайки, словно души их, парят
Над березовой рощей молодой.

Майские, весенние лучи,
Грея землю, шлют благую весть:
«Победили!» – что есть сил кричи, –
«Победили!». Этот праздник – есть!

На земле пусть далеко не рай,
Но война обходит стороной,

Потому что здесь родной нам край,
Потому что жив народ-герой!

А уже потом был день моего рождения и подаренная моими друзьями картина, авторская работа художника В. Клименко. С не примечательным на первый взгляд сюжетом, где на крутом повороте старой дороги, уходящей на горизонте к водным просторам, изображена одинокая церковь с зеленым куполом и колокольной. Удивительное в ней было лишь то, что ведущие к храму дороги и тропинки явно складывались в очертание распростёртой на земле фигуры человека. Я тогда не осознал, что фамилия Клименко созвучна имени моего деда – Климентий, просто расспрашивал, кому пришла в голову идея мне, капитану первого ранга, подарить эти сельские мотивы, да еще и с церковью, но так и не смог получить ответ. Узнал лишь, что такие церковки на Руси назывались «кораблями». И самое интересное, что друзья потом сами удивлялись своему выбору. А меня картина зацепила, может, потому что запомнились такие же зеленые купола при повороте в Торжке на Осташков, а может, потому что и церковь, и дорога к ней пробудили в чувствах и сознании такую далекую от нашей сегодняшней жизни тему войны и не вернувшегося с неё деда:

Мой дед – безымянный солдат войны,
Таких как он – миллионы.
Ушли и пропали в бою без вины,
И их не дождались жены.

Еще повезло, что тянется след,
Кровинкой родной прожитый.
Себе задаешься вопросом: «Где дед,
Где дед мой лежит убитый?»

Война косила на фронте, в тылу,
Семью ничью не щадила...
Кто умер от голода, кто пал в бою,
В ком память о нем еще жила.

Соизмеряя свой прожитый век
И образ его, от нас скрытый,
Терзаюсь, какой же он был человек,
Войны солдат позабытый.

В смертельной атаке, сраженный свинцом,
Врага душив голой рукою,
Пал в землю, политую кровью, лицом
Закрыв своих внуков собою.

Другим быть не мог безымянный мой дед.
Он верил, не будет забытый.
Его не потерял в неизвестности след,
След, в жизни потомков прожитый.

Каким бы ни был над ним небосвод,
Последнюю слышав молитву

Его, продолжая наследственный род,
Мужчины встают на защиту.

Это стихотворение стало моей молитвой, где только я его ни читал, где только ни публиковал, но чего-то не хватало в раскрытии трагедии моей семьи. В той войне мы потеряли не только деда, но и бабушку. Мы о ней вообще ничего не знали, по женской линии ведь не передаётся ни фамилия, ни отчество. Как умерла? Успела ли получить похоронку на мужа? Всё скрыли воды Саратовского водохранилища. И эти переживания сами складывались в стихи.

Похоронка не нашла адресата
В этой страшной, смертельной войне.
Меньше стало на два солдата –
Не читал муж письмо о жене.

Земляки ее схоронили.
Отдала жизнь за мужа, детей...
Там, в тылу, – на войне они были,
Словно меж фронтовых огней.

На несжатой лежала полоске –
Не хватило подняться сил,
А по солнечной, хлебной дорожке
Фронт врага бить вперед уходил.

Только с ними остались тревоги,
Даже там, на небесном пути,
Обивали, наверно, пороги –
Как беду от детей отвести.

То письмо на войне затерялось –
Скорбной вести последний след.
На земле ведь что-то осталось,
Кроме горя, утрат и бед...

Что чувствовал я, было выстрадано в этих стихах, но слышал ли их дед? Наверное, слышал и еще, наверное, устал ждать нас, своих внуков. И вот тогда и произошло чудо. Чудо моей встречи с душой деда. Не знаю, какие законы, известные земному человеку, повлияли на крепость прочного капронового шнура подвески картины, подаренной друзьями, как мне теперь кажется, не без помощи деда, только шнур неожиданно размочалился так, будто его долго и усердно перетирали. И в три часа ночи 31 марта вся моя семья дружно проснулась от грохота упавшей картины. Самое удивительное, что рама не только не развалилась – на ней не было ни одной царапины! Не знаю, мог ли дед сказать доходчивей, но только ранним утром 31 марта я уже сидел за компьютером и, листая страницы Яндекса, искал его – Толузакова Климентия Антоновича.

Я и раньше довольно часто делал попытки найти о нём хоть какую-нибудь информацию на сайте «Мемориал» и других. Но всё было тщетно. А в то утро я упорно, не останавливаясь, уже переходил на 11 или 12 страницу. Интернет подбрасывал однофамильцев или людей со сходными именами, а меня что-то вело и вело дальше. Я даже не мог предположить, что среди бесчисленного количества воинских соединений и частей, воевавших в годы ВОВ, вдруг будет выделена одна когда-то существовавшая дивизия с подробным архивом боевого пути и мест захоронения каждого солдата на этих кровопролитных дорогах войны. Низкий поклон создателям этих сайтов, тем, кто сохранил эти бесценные документы до наших дней и опубликовал их. И это было продолжение чуда. После ночного падения картины, которое я воспринял как грозное постукивание деда кулаком, именно чудо, его указующий перст, привело меня на сайт 250-й стрелковой дивизии. И на ту запись с точной датой – 31 марта 1942 года. День в день, а может, час в час 72 года назад дед был смертельно ранен и направлен в 1819-й эвакуационный госпиталь в Торжок, где и скончался от ран через 23 дня. Знал ли он нашу бюрократию, как долго, порой месяцами, мы ждем ответа из официального органа, но только вдруг, буквально через несколько минут я получаю из райвоенкомата ответ на своё обращение: дед похоронен в Торжке. Мне, профессиональному военному, до сих пор не верится, что в тот день все военкоматы стали работать лучше. Разве это не чудо, что в нужный момент архивные документы на деда оказались у кого-то под рукой?! И вот уже в ближайшие выходные я был в Торжке, где чудо продолжалось: военком, добрая женщина, в свой личный выходной, отложив свои семейные дела, по раскисшей земле кладбища проводила меня к первой братской могиле. А потом... Потом было потрясение – рядом с могилой я увидел церковь со своей картины. Тот самый «корабль» с зеленым куполом и колокольней. Это была церковь Иоанна Богослова, хранящая мир жителей Торжка и покой воинов, положивших на этой земле свои жизни за Отечество. Я молча стоял у братской могилы, и потерянные гранитные строчки с до боли родной фамилией дрожали и расплывались в глазах. И то ли от близости намоленных стен старинной церкви, то ли от щемящего покоя городского кладбища пришло, наконец, умиротворение, и я услышал свои слова: «Здравствуй, дед!»

Послесловие.

Через несколько дней один из правнуков деда – Антон, внимательно изучая полученные семьей документы, в списках эвакуационного госпиталя в строке с данными Климентия

Антоновича нашёл запись о его жене. Нашу бабушку и уже прапрабабушку звали Евдокия Павловна.

Я войны не знал оскал

Я войны не знал оскал,
Но во мне память предков живет,
Где всю жизнь не жил, выживал
Мой родной Российский народ.

Я не страхом пропитан, нет,
Может, жалостью, может быть, болью,
Что наш мир из подаренных лет
До сих пор не согрет любовью.

Я не вижу счастливых глаз,
Редкость искренняя улыбка,
Что же сталкивает нас,
Почему в этом мире так зыбко?

Неужели войны страшный шквал,
Шквал проблем, смерти, голода, боли
Нас настолько всех пропитал,
Что уже не боимся неволи?

Мой народ, защитник, герой,
Не сдавайся, придет к тебе слава
И вернется на землю покой,
Как награда, а не как отрав.

День Победы в Осташкове...

Над погостом тишина, покой –
Ласково березы шелестят.
Здесь в земле когда-то фронтовой
Рядышком защитники лежат.

В бронзе над могильною плитой
Скорбь любимых жен и матерей
Замерла, храня их сон святой,
Как наследство тех военных дней.

Как же много полегло солдат!
Не вернуться им уже домой.
Чайки, словно души их, парят
Над березовою рощей молодой.

Майские, весенние лучи,
Грея землю, шлют благую весть:
«Победили!» – что есть сил кричи,
«Победили!». Этот праздник – есть!

На земле пусть далеко не рай,
Но война обходит стороной,
Потому что здесь родной нам край,
Потому что жив народ-герой!

66 годовщина Дня Победы во Львове

Уносят годы в прошлое
Военных раскатов гром,
И только сознание пошлое
Все грезит вчерашним сном.

Следы кровавых сражений
И горечь войны, потерь,
Грызет червь чужих сомнений,
Риторики блудный зверь.

Уже на братских могилах
Вершит нечисть новая пир,
Забыв о советских мундирах
О воинах, спасших нам мир.

И поросль, войны не знавшая,
Запутанная в Интернет-сеть,
Безжалостная, не сострадавшая,
В толпе начинает звереть

Георгиевскую ленточку
С груди ветерана сорвав,
Последнюю с фронта весточку
Сжигает, в лицо наплевав.

Власть молча глаза отводит,
Пресечь не спешит беспредел,
А ненависть хороводит,
Мечтая начать отстрел.

Пусть чье-то сознание пошлое
Стирает всей правды следы,
Но мы, забывая про прошлое,
Ждем новой войны и беды.

Откройте люди глаза...

Все ночи долгой зимы
Не нарушая покой
Мне снятся теплые сны,
Но мир совсем не такой

Откройте люди глаза
Гоните сладкий туман,
По миру бродит война,
И то, что мимо, – обман.

Успеем век скоротать,
А там трава не расти,
Кто будет слезы глотать,
Кто даст спокойно уйти.

Земля сжимает объем,
Короче время в пути.
Друг другу мы не даем

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.